

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 263–304.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 4. P. 263–304.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-263-304

ПЕРВЫЙ ОПЫТ МОЛОДЫХ

**В. К. Кантор¹, А. А. Волкова², А. А. Жукова³, Е. В. Краснова⁴,
Е. Д. Демьянова⁵, Д. Ф. Малинкова⁶, А. А. Пархоменко⁷,
А. В. Переплеткин⁸, И. Ю. Голубев⁹**

¹⁻⁹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Автор, ответственный за переписку:

Владимир Карлович Кантор, vlkantor@mail.ru

Аннотация. Публикуется подборка лучших эссе, написанных на темы по выбору студентами четвертого курса образовательной программы бакалавриата «Философия» под руководством проф. В. К. Кантора. Молодые люди высказывают свое отношение к событиям и произведениям более чем столетней давности и дают им оценки. В центре их внимания такие писатели, как А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и др.

Ключевые слова: Серебряный век, А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. и др. Первый опыт молодых // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 263–304. doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-263-304.

Professor's workshop. Scholia

THE FIRST EXPERIENCE OF YOUNGERS

Vladimir K. Kantor¹, Anna A. Volkova², Alina A. Zhukova³, Elena V. Krasnova⁴,
Elena D. Demianova⁵, Diana F. Malinkova⁶, Angelina A. Parkhomenko⁷,
Aleksandr V. Perepletkin⁸, Ivan Yu. Golubev⁹

¹⁻⁹ National Research University “Higher School of Economics”
(HSE University), Moscow, Russia

Corresponding author: Vladimir K. Kantor, vlkantor@mail.ru

Abstract. A selection of the best essays written on topics chosen by fourth-year students of the Bachelor's degree program “Philosophy” under the guidance of prof. V. K. Kantor. Young people express their attitude to the events and works of a century ago and evaluate them. In the center of their attention are such writers as A. S. Pushkin, P. Ya. Chaadaev, F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy and others.

Keywords: Silver Age, A. S. Pushkin, P. Ya. Chaadaev, F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V. K. et al. (2022) “The First Experience of Youngers”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(4), pp. 263–304. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-263–304.

Владимир Карлович Кантор

В. К. Кантор

Продолжение схолий

Как становится понятно, в ближайшее время университетское преподавание философии должно будет больше времени и сил уделять русской философии и готовить самостоятельно мыслящих исследователей. Это наш реальный вклад в русско-европейский диалог: не повтор западных прописей, хотя с неперменным учетом великих достижений европейской мысли,

но поиск себя. Русским интеллектуалам есть на что опереться в собственной культуре, начиная от взрывного XIX века, когда отечественная литература вышла на уровень Данте, Шекспира, Платона, а живопись готовилась к занятию первого места в европейском художественном мире XX века. Не забудем Шостаковича, Рахманинова, Прокофьева, Стравинского... Русская философия мудро оперлась на художественно-философские открытия Достоевского, Толстого, Чехова, создав внутри европейской философии русский материк. Строго говоря, мой курс шел этим проторенным путем, когда философия погружалась в культурный контекст. В прошлом году мы начали опыт схолий, предлагая студентам ощутить себя взрослыми и самостоятельными исследователями¹. В нынешнем году эта возгонка произошла. Предлагаемые читателю студенческие работы вполне выдерживают конкуренцию с текстами профессионалов. Можно пожелать юным исследователям не снижать напора и помнить, что вы уже взрослые и отныне ваша учеба есть реальный шаг к философскому творчеству.

А. А. Волкова

А. С. Пушкин и П. Я. Чаадаев (стихи и письма)

Звезда пленительного счастья так и не возшла, лишь красная звезда октября успела сместиться кремлевской и ярко светит уже двадцать лет. Однако имена А. С. Пушкина и П. Я. Чаадаева не забыты и должны быть заслуженно написаны на обломках самовластья, если оно когда-нибудь сломается.

Пушкин и Чаадаев оба любили Россию с открытыми, а не закрытыми глазами, оба болели за ее настоящее и будущее, оба воспевали свободу, справедливость, право и истину, оба были христианами, величайшими умами своего времени и находились в теплых дружеских отношениях друг с другом. Однако это еще не говорит о полном совпадении их взглядов на судьбу России, ее путь, собственную роль на этом пути и русский народ. Их взгляды во многом расходились.

О том, что Пушкин и Чаадаев находились в дружеских отношениях, свидетельствует частично сохранившаяся переписка между ними и целых три послания Пушкина Чаадаеву. Чаадаев был старше Пушкина на пять лет и, скорее всего, имел на него влияние как старший товарищ. М. О. Гершензон в статье

Анна Андреевна Волкова

¹ Схолии опубликованы в журнале «Философические письма. Русско-европейский диалог» (2021. № 4).

«Чаадаев и Пушкин» говорит о Чаадаеве как нравственном компасе, на который мог ориентироваться Пушкин [Гершензон, 1926, с. 34]. Интерпретируя строки «В минуту гибели над бездной потаенной / Ты поддержал меня недремлющей рукой» из второго послания Пушкина Чаадаеву, Гершензон утверждает, что под бездной имеется в виду не угрожавшая Пушкину ссылка в Соловецкий монастырь, а нравственные падения Пушкина, с которыми поэт учился справляться, глядя на Чаадаева. Эта духовная близость не могла не содействовать близости взглядов на философские вопросы. Кроме того, Чаадаев, конечно, способствовал смягчению наказания Пушкина, которого вместо Соловецкого монастыря отправили в итоге в ссылку на юг. Здесь их тесное общение на несколько лет прекратилось и возобновилось лишь к концу 1820-х годов. За это время Чаадаев успел побывать за границей и пережить «тяжелый душевный перелом» [там же]. Это сформировало его как автора «Философических писем», по поводу которых у него с Пушкиным возникли некоторые разногласия.

«Первое философическое письмо» стало для Чаадаева причиной его личной трагедии — после публикации он был объявлен сумасшедшим. Владимир Кантор в статье «Апология сумасшедшего, или Разум против безумия толпы» говорит о подобном приговоре Николая I в отношении Чаадаева как о спасительном для последнего [Кантор, 2019]. Это связано с тем, что чаадаевские идеи оказались слишком необычны, неожиданны и непонятны, чем вызвали широкое общественное негодование. Народ был возмущен и даже в какой-то степени оскорблен такой «клеветой» на Россию. Этот народ, внутри которого проснулось патриотическое чувство, требовал возмездия. Император, объявляя Чаадаева сумасшедшим, обесценивал всё им сказанное как не имеющее смысла и значения и тем самым снимал с него ответственность за сказанное. Сам же Чаадаев всегда любви к Родине предпочитал любовь к истине, не понимая и осуждая пламенный слепой патриотизм. Он считал, что нельзя быть полезным Родине во лжи:

Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, со склоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если хорошо понимает ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который умудряется всё видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы.

[Чаадаев, 2006, с. 269]

Многие на самом деле относились к Чаадаеву как к сумасшедшему, но эти многие не знали его. Те же, кто знали, не отвернулись и не отреклись: «Слава безумца не загнала мыслителя в духовное подполье, а напротив, сделала его духовным центром тогдашнего образованного общества» [Кантор, 2019, с. 26]. Среди тех, кто не отвернулся, понял и принял, был, конечно, и Пушкин.

В ответ на «Первое философическое письмо» Пушкин написал Чаадаеву (19 октября 1836 года): «Благодарю за брошюру, которую вы мне прислали. Я с удовольствием перечел ее, хотя очень удивился, что она переведена и напечатана. Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами» [Переписка ... , 1982, с. 287]. В чем же идейное расхождение Пушкина с Чаадаевым? Чаадаев в «Первом философическом письме» говорит о практически глухой отделенности России от Запада и винит в этом православие. По его мнению, именно принятие православия послужило причиной, из-за которой Россия не смогла разделить великую судьбу Запада, заниматься науками, открывать истины и жить полноценной духовной жизнью. Также, по мнению Чаадаева, Россия отделена и от Востока и ему не принадлежит. Более того, Чаадаев отрицает даже наличие у России особого пути:

Одна из наиболее печальных черт нашей своеобразной цивилизации заключается в том, что мы еще только открываем истины, давно уже ставшие избитыми в других местах и даже среди народов, во многом далеко отставших от нас. Это происходит оттого, что мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода.

[Чаадаев, 2006, с. 22]

Православие, вышедшее из порочной Византии, изолировало Россию от всего человечества и выкинуло из истории. Пушкин не может с этим согласиться:

Нет сомнения, что Схизма отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясли; но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пусты-

ням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех.

[Переписка ... , 1982, с. 287]

Однако мне кажется, что это возражение Пушкина в некоторой степени даже подтверждает слова Чаадаева: Россия идет своим особым путем, чтобы спасти Запад и то, что он рождает внутри себя, но не для того, чтобы рождать внутри себя что-то значимое для всего человечества, как делает это Запад. «Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок», — пишет Чаадаев [Чаадаев, 2006, с. 28].

Еще одно возражение, выдвигаемое Пушкиным Чаадаеву, — относительно аисторичности России, то есть отсутствия у России собственной истории. Еще ранее, до публикации «Первого философического письма», в одном из своих личных писем Чаадаеву (1831) Пушкин напишет: «Ваше понимание истории для меня совершенно ново, и я не всегда могу согласиться с вами» [Переписка ... , 1982]. В более позднем письме (1836), написанном уже после публикации «Первого письма», Пушкин будет увереннее возражать Чаадаеву, приводя в пример войны Олега и Святослава, татарское нашествие, освобождение от него и последующее движение к единству, Ивана III и Ивана IV, Петра Великого, «который один есть целая всемирная история», Екатерину II [там же]. «Для Пушкина вся послетатарская история России есть не только история становления “русского единства”, но и возвращения России в Европу» [Кантор, 2019, с. 23]. Чаадаев же отрицает в принципе единство русского народа, а вместе с ним и его исторический опыт, потому что второе без первого невозможно. Он приводит цитату Цицерона о жизни человека как исторической личности — через связь прошлого с настоящим. Именно память о прошлом, опыт предков и ощущение своего единства с ним в настоящем делают людей живущими подлинной жизнью в политической общности. Про русский народ Чаадаев говорит: «В наших головах нет решительно ничего общего; всё в них индивидуально и всё шатко и неполно». Если нет общего, то нет и народа, нет единой нации. Потому что, как писал еще Цицерон, народ есть не всякое объединение людей, но связанное общностью интересов и согласием в вопросах права. Народ возникает через артикуляцию общих интересов и того, что есть доброе и должное, через артикуляцию себя как народа и через оригинальное сотво-

рение своей культуры. Историческое же существование — это существование именно народа, которого в цитцероновском смысле нет в России. Есть только разрозненная толпа. Отсюда нет и исторического существования, а следовательно, и развития:

Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно. Это — естественный результат культуры, всецело основанной на заимствовании и подражании. У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая новая идея бесследно вытесняет старые, потому что она не вытекает из них, а является к нам бог весть откуда.

[Чаадаев, 2006, с. 27]

Получается, что, согласно Чаадаеву, Россия лишена даже своей оригинальной культуры — она лишь подражает то Востоку, то Западу. В нее проливаются чужие, иногда даже свои идеи, но не закрепляются и не произрастают. В ней не закрепились идеи долга, справедливости, права и порядка, которые являются частью социальной жизни западных стран и которые выросли в западном обществе и сформировали его. Россия же равнодушна к добру и истине. Она не взрастила плодов, которые были бы полезны и значимы для всего человечества. Россия, будучи обособленной и немного «дырявой», не включена в общечеловеческую историю, ничего ей не дает и не приближает человечество к конечной цели его существования. В чем же заключается эта цель человеческого существования для Чаадаева? Мне представляется, что в установлении рукотворного рая на земле во главе с единой католической церковью, куда придет и где будет прибывать Господь. В «Первом философическом письме» он пишет:

Совершенно не понимает христианства тот, кто не видит, что в нем есть чисто историческая сторона, которая является одним из самых существенных элементов догмата и которая заключает в себе, можно сказать, всю философию христианства, так как показывает, что оно дало людям и что даст им в будущем. С этой точки зрения христианская религия является не только нравственной системой, заключенной в преходящие формы человеческого ума, но вечной божественной силой, действующей универсально в духовном мире и чье явное обнаружение должно служить нам постоянным уроком. Именно таков подлинный смысл догмата о вере в единую церковь, включенного в символ веры. В христианском мире все необходимо должно способствовать — и действительно способствует — установлению совершенного строя на зем-

ле; иначе не оправдалось бы слово господа, что он пребудет в церкви своей до скончания века.

[Чаадаев, 2006, с. 38]

Истинная вера — католическая, потому что в ней реализуется догмат единства. Именно она ведет человечество к осуществлению его предназначения, она же должна способствовать установлению и актуализации наилучшего политического устройства — совершенного и внешне, и внутренне. Признаюсь, мне этот сюжет напомнил гегелевскую историю с его абсолютизацией мирового духа, шествующего по планете. Кажется, что чаадаевский дух тоже имманентен земле, а не трансцендентен ей. И вся мировая история — это процесс имманентизации этого божественного духа, действие Бога на земле, подготовка к его сошествию на землю и установлению Царствия Божьего на этой земле. Только вот планета и человечество к этому сошествию еще не готовы. Россия же, если хочет себе великой судьбы, должна принять участие в этой подготовке. А как? «Нам следует прежде всего оживить свою веру всеми возможными способами и дать себе истинно христианский импульс, так как на Западе все создано христианами». И далее: «Задача сейчас не в расширении области наших идей, а в том, чтобы исправить их и придать им новое направление» [там же, с. 42].

Пушкина больше волновала не столько судьба всего человечества, сколько русского народа и русской нации, существование которой, в отличие от Чаадаева, он не отрицал и с которой явно себя идентифицировал. Об этом свидетельствуют, к примеру, такие его стихотворения, как «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России». Последнее стихотворение, кстати, высоко оценил и Чаадаев, отметив, что наконец Пушкин выступает как национальный поэт. Чаадаев всегда видел в Пушкине того, кто может воспитать русского человека и послужить великой цели. Однако я не уверена, что сам Пушкин видел в себе того, кто служит всему человечеству и его глобальному предназначению. Мне представляется, что Пушкин служил русскому человеку. И не только ради всей России, но в первую очередь ради самого человека, потому что помимо судьбы русской нации его также сильно волновала судьба живых единичных людей со всеми их переживаниями и страданиями. Ориентированность Пушкина на индивидуальную духовность больше, нежели на всеобщую, на трансцендентное больше, нежели на имманентное. Это подтверждается также его взглядом на единство, отличным от чаадаевского. Если Чаадаев рассматривал догмат единства как находящийся внешне выражение в единстве католической церкви и папстве, то Пушкин видел его во Христе. Христа каждый находит в себе

индивидуально. Христос не вне каждого, то есть не в церкви, а внутри, в любящем сердце. И именно через это внутреннее религиозное чувство и происходит единение — единение русского православного народа, верующего во Христа и любящего его.

Распространено мнение, что образ Онегина списан Пушкиным с Чаадаева: «Второй Чадаев, мой Евгений...» При этом ведутся споры, связанные с признанием и непризнанием 10-й главы в качестве продолжения «Евгения Онегина» и о том, стал в итоге Онегин декабристом или не стал. В. В. Пугачев в статье «Пушкин и Чаадаев» последовательно придерживается мнения, что Онегин, списанный с Чаадаева, никак не мог примкнуть к декабристам: он считал, что русский народ еще не готов к свободе и что революционное выступление глупо и бессмысленно. Кроме того, Пугачев ссылается на то, что Пушкин, начавший писать роман в стихах, был преисполнен изначально радостных ожиданий и предвкушений грядущей свободы России, взывал в надежде и к бездействующему Чаадаеву: «Пока свободою горим, / Пока сердца для чести живы, / Мой друг, отчизне посвятим / Души прекрасные порывы!» Однако после декабря 1825 года, став свидетелем итогов восстания, Пушкин переменяет отношение к своему герою с легкой насмешки над его бездействием на сочувствие и жалость, потому что герой оказался «лишним» в России [Пугачев, 1973].

Онегин, Чацкий, Печорин — это всё лишние люди. И главный из них — Чаадаев, с которого списаны первые два из лишних людей. К ним была не готова Россия, их отторгала общественность. Но возможно ли вообще такое время, которое было бы для них подходящим? Чтобы и люди те, и власть та... Мне кажется, что проблема лишних людей в том, что они не в какой-то конкретный временной период «лишние», а «лишние» всегда вне зависимости от времени. Чаадаев говорил, что русские не готовы к свободе, что действовать рано, что надо подготовить почву и перевоспитать людей. Однако он их скорее «ослепил», чем перевоспитал своими письмами, к которым они уж точно не были готовы. Мне представляется, что Чаадаев не был бы ни Брутом, ни Периклом, потому что у него для действия всегда не те люди и не тот мир. Пока он тешил себя мыслями и надеждами о лучшем мире, Пушкин сквозь поэзию учил, как наилучшим образом жить в плохом мире и делать тем самым последний хотя бы немного, но лучше.

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.
[Пушкин, 1985, с. 352]

А. А. Жукова
Ответ Пушкина Чаадаеву:
Россию нельзя поставить вне Европы

Представим, что П. Я. Чаадаев встретился с А. С. Пушкиным в Москве в марте 1829 года и стали они спорить о месте России в мире. Является ли она частью Европы и уступает ли ей чем-то или нет? Место действия: гостиная дома № 20 по Новой Басманной².

Пушкин. Неизменный друг мой, не так давно Вы мне писали, что хотели бы побеседовать. Так давайте же поговорим.

Чаадаев. Пожалуй, мой друг, сейчас наиболее подходящее время: в Петербурге я не бывал уже давно, а в Москве Вы всё время в разъездах или же заняты светскими делами. Да и сколько же мне еще ожидать личной аудиенции, пока Вы будете в Тифлисе!..

Пушкин. Но позвольте Вас предупредить: я не весел; а Вы — Вы, как я могу заметить, весьма раздражительны. О чем же нам поговорить?! Я сейчас одержим лишь одной мыслью, Вам это прекрасно известно.

Чаадаев. Да, разумеется. Я недавно Вам прислал несколько рукописей, может, нам их обсудить?

Пушкин. Эти наброски, насколько я помню, были адресованы некой сударыне?

Чаадаев. Верно.

Пушкин. Это совсем неудивительно, ведь все лучшие наши творения мы посвящаем именно женщинам. Помнится, когда я в первый раз их прочитал, обнаружил несколько нетривиальных идей, которые необычайно меня взвол-

Алина Андреевна Жукова

² Возможные анахронизмы не случайны и являются частью художественного вымысла. При создании диалога использовались следующие источники: [Переписка ... , 1982; Чаадаев, 2006].

новали. Я, признаться, сам этому удивился. Помнится, как в былые времена мы с Вами мечтали о том, что будем посвящать отчизне себя целиком, делать всё ради ее блага и процветания. Но что же я вижу сейчас?! Вы, кажется, разочарованы. Много, что сказано в Вашем послании о нашей действительности — общественной жизни прежде всего, — несомненно, верно, об этом стоит говорить. Более того, уважения заслуживает то, что Вы пишете об этом — даже для этого в наше время презрения к человеческой мысли требуется определенная степень отваги...

Чаадаев. Благодарю, мне Ваше мнение очень важно. Боюсь, что моя отвага — следствие отчаяния, а точнее, как Вы верно подметили, разочарования полного и окончательного в судьбе России. Но что же Вас так взволновало? Я весь в нетерпении.

Пушкин. Не торопите меня, друг мой, я же Вас предупредил, что сегодня не в духе. Возьмем конец этого наброска, или, вернее, письма. Вы пишете, что его целью было определить точку зрения, с которой надо смотреть на христианский мир и наше место в нем.

Чаадаев. Определенно так.

Пушкин. Одновременно с этим Вы неоднократно указываете на то, что мы, то есть народ России, являемся исключением среди народов и даже не входим в род человеческий. Вместе с этим Вы превозносите народы Европы, говорите об их «семейном сходстве» и о том, что как раз они составляют Христианский мир, вернее, составляли до недавнего времени. Вы восхищаетесь их историей, религией, особым характером, которым обладает каждый живущий в Европе человек. Я уверен, что такое пренебрежение к России абсолютно недопустимо.

Чаадаев. Почему Вы так в этом уверены? Схизма отделила нас от европейцев, мы не принимаем участия ни в каких великих событиях и войнах, которые потрясли Европу и формировали неповторимый дух ее народа и ее атмосферу. Наша же история, напротив, ни с чем не связана, ничего не объясняет, ничего не доказывает — она ничтожна по сравнению с европейской... Именно в Европе веками формировался человеческий разум, цивилизация, мы же до сих пор ее догоняем.

Пушкин. Да, я согласен с Вашим мнением насчет разделения церквей, разных путей истории Европы и России. Но у нас ведь всегда было свое особое предназначение. Вы с этим не согласны? Именно бескрайние просторы нашей отчизны и наш народ не позволили монголо-татарам оставить русскую землю в тылу и двинуться на Европу. Как Вы думаете, сохранилось бы там христианство и был ли их мир таким же, как сейчас, если бы этого не случилось?

Чаадаев. Даже если бы они двинулись сразу на Европу, мы едва стали бы главой всемирной истории.

Пушкин. Чтобы сохранить и спасти христианскую цивилизацию, мы должны были существовать совершенно особенным образом: оставшись христианами, мы в то же время должны были бы быть абсолютно чуждыми всему христианскому миру. Именно наше мученичество избавило католическую Европу от всяких помех и позволило ей настолько энергично развиваться и быть всем тем, чем Вы так сейчас восхищаетесь.

Чаадаев. Друг мой, мы наше христианство и нравственное учение приняли по воле роковой судьбы у растленной Византии. Вся Европа ее презирает, это очень нечистый источник христианства. Христианство должно было нас воспитать, как воспитало Европу, но этого так и не случилось. Там всё было одушевлено животворным началом единства, здесь же, даже когда мы освободились от монголо-татарского ига, мы могли бы воспользоваться плодами раздумий европейцев, но оказались отторгнутыми, попали в более тяжкое рабство. Но и нам самим были неинтересны дела всемирной работы.

Пушкин. Ах, мой друг, а сам Иисус Христос не был ли по рождению своему евреем? А Иерусалим не был притчею во языцех?

Чаадаев. Да, Вы правы.

Пушкин. А Евангелие? Разве Евангелие от этого менее изумительно? У греков мы взяли Евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Как нравы Византии не были нравами античных греков, так нравы Киева никогда не были нравами Византии.

Чаадаев. Но как же нравы нынешнего духовенства?

Пушкин. О да, в этом я с Вами, мой друг, абсолютно согласен. Но наше духовенство, каким оно было до Феофана, было достойно уважения. Все те низости, которые были характерны для папизма, были ему чужды. Разумеется, оно никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве, о котором Вы неоднократно в письме упоминаете. Вы так превозносите стремление европейцев к нему...

Чаадаев. Я хочу Вам напомнить, что я не утверждаю, что в Европе всё и всегда было исполнено ума, добродетели и религии, это далеко не так. Но я всё же настаиваю на том, что там всё каким-то таинственным образом подчинено силе, которая увеличивалась столетиями: всё в Европе подчинено ей, всё является результатом продолжительного соединения действий с идеями и причиной теперешнего состояния их общества.

Пушкин. Не совсем понимаю Вас, мой друг.

Чаадаев. Для того чтобы говорить о народах, надо исследовать их сущность — особый общий дух, который их составляет. Именно этот дух способен вознести народы к более совершенному нравственному состоянию, направить к бесконечному развитию. Этот дух и есть сила.

Пушкин. Поясните, пожалуйста. Мне всё еще сложно Вас понять.

Чаадаев. Возьмем, к примеру, англичан. Мне кажется, что они именно тот народ, который наиболее ярко своей личностью отражает новый дух. У них, собственно, нет никакой истории, кроме церковной, но именно ей, начиная с Генриха VIII, были подчинены все интересы, даже политические, которые приносились в жертву убеждениям. Революция 1640 года — закономерный результат религиозного развития, во многом благодаря которому Англия сейчас процветает. Вся история нового общества движется убеждениями.

Пушкин. Ах вот оно что... Почему же Вы тогда отказываете в исторической значимости России? Почему обвиняете ее в исторической ничтожности? Я в этом решительно с Вами не согласен.

Чаадаев. Вы хотите меня переубедить?

Пушкин. Боюсь, что это моя главная обязанность на сегодняшний вечер, мой друг.

Чаадаев. Очень рад, что сумел Вас так увлечь. Но мы живем вне времени или даже скорее в застое, у нас нет ни прошлого, ни будущего. А посему нет и истории. Прожитые года и занятые нами земли не содержат ни значительных воспоминаний, ни монументальных памятников, которые отражали бы во всей красоте минувшее.

Пушкин. Не соглашусь. В рукописи я прочитал Вашу теорию об историческом развитии европейских народов...

Чаадаев. И что же в нашей истории можно противопоставить их юности, кроме дикого варварства, грубого суеверия да унижительного иноземного владычества?

Пушкин. Вспомните «Повесть временных лет», разве войны и походы Олега и Святослава, удельные усобицы князей — разве это не то, что Вы называете жизнью, полной кипучего брожения? А также пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов?

Чаадаев. А татарское нашествие?

Пушкин. Печальное и великое зрелище, но я уже Вам сказал, ради кого мы стали мучениками. Но чего стоило пробуждение России после этого завоевания! Вспомните стояние на Угре — какую силу обретала наша отчизна. А дальше?! Дальше было развитие ее могущества, движение к единству — разумеется, к нашему собственному.

Чаадаев. Да, и чтобы нас заметили, мы растянулись от Берингова пролива до Одера.

Пушкин. Зря Вы ерничаете, друг мой. Мы были ведомы Богом на протяжении всей нашей истории. вспомните Смуту, великую драму, которая началась с убийства Димитрия в Угличе, а завершилась коронованием Михаила Романа в Ипатьевском монастыре. Неужели это сон и мираж или же всё-таки значительное воспоминание и история?

Чаадаев. Допустим, что эти события можно счесть за историю. Что Вы можете сказать о личностях и их роли в истории? Вот Петр после возвращения из Европы захотел нас цивилизовать по европейскому образу и подобию, наставить нас на путь просвещения и воспитания, но мы это не приняли, не воспользовались.

Пушкин. Да Петр Великий и есть сама настоящая история! Не понимаю, как Вы можете так говорить, ведь юность наша прошла недалеко от того города, который был им основан, да и сколько еще он сделал для нас — в Европу окно прорубил!

Чаадаев. Хорошо, а кто еще?

Пушкин. Екатерина поставила нас уже на порог Европы. А Александр привел вас в нее и привел в Париж.

Чаадаев. Когда же мы вернулись домой, то принесли с собой одни только дурные идеи и губительные заблуждения, которые привели к восстанию декабристов, которое откинуло нас на полвека назад.

Пушкин. Вот видите, как может быть опасна Европа и восхищение ей. Как разрушительны для нас и нашей собственной истории могут быть ее достижения. Я абсолютно уверен, что Россию нельзя поставить вне Европы, будущий историк будет поражен также и теми событиями, которые происходят в данный момент за окном этой прекрасной гостины.

Чаадаев. Я уважаю Ваше мнение как мнение моего старого друга, я не хочу показаться язвительным или желчным в словах о родине, но это правда. И она мне дороже. Будучи христианином и носителем христианского сознания, я не могу закрывать глаза на то, что происходит у нас.

Пушкин. В отличие от Вас я сердечно привязан к нашему государю, но тем не менее я не восторгаюсь тем, что вижу вокруг себя. Как литератор, я крайне раздражен тем, что мои сочинения подвергаются цензуре и редактуре, хоть и со стороны Николая. Но, клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал.

Чаадаев. Друг мой, с нашей юности Вы практически не изменились. Я рад этому, даже несмотря на то, что мнения наши не сходятся. Быть может, стихот-

ворение, которое Вы мне посвятили, пророческое, и спустя много-много лет Россия действительно вспрянет ото сна, а наши потомки будут говорить о нас как о героях нашей эпохи... Возможно, мы жили и сейчас еще живем для того, чтобы преподать какой-то великий урок как раз этим самым отдаленным потомкам.

Пушкин. Кстати, о сне. Не пора ли нам прощаться, друг мой? Час уже поздний.

Чаадаев. Спасибо, Александр Сергеевич, за беседу, надеюсь, что еще увидимся.

Пушкин. Петр Яковлевич, я очень боюсь, как бы Ваши религиозные исторические воззрения Вам не повредили. Подумайте хорошенько, прежде чем публиковать это.

Чаадаев. Друг мой, я еще не закончил сочинение, это только начало.

Пушкин. Тогда точно увидимся и обсудим его. Ворон ворону глаза не выклюет.

Е. В. Краснова **О фразе Чаадаева «Мы явились в мир как незаконнорожденные»**

Что значит незаконнорожденные? Чаадаев пишет о «законе» как о правильном пути развития народов. Народ, чтобы стать разумным, должен пройти через некоторые стадии, а точнее, не просто пройти, но прожить и пережить их, осознав свой опыт. «Дикость» становится тем периодом, после которого, или, лучше сказать, вследствие которого, народ обретает культурную идентичность — то, что присуще только ему. Он обретает свои, характерные только ему черты, переосмысляя опыт своей юности.

Елена Валерьевна Краснова

Мы явились в мир незаконнорожденными: прежде всего мы не пережили период бурных волнений и страстей так, как следовало. Более того, у нас не было того буйства идей и великих побуждений, которые могли бы стать яркими воспоминаниями, легли бы в основу поэзии. Будучи в диком состоянии, мы призвали другой народ, другую культуру и не вырастили своего: «Первые наши годы, протекшие в неподвижной дикости, не оставили никакого следа в нашем уме и нет в нас ничего лично нам присущего, на что могла бы опереться наша мысль» [Чаадаев, 2016, с. 9]. Хомяков на это отвечает, что мы приняли

«от умирающей Греции святое наследие, символ искупления, и учились слову» [Хомяков, 1994]. Но если носительница этой культуры умирает, не тлетворен ли ее дух? Не умирает ли она именно от своей культуры? Если это так, то воспринять ее духовную жизнь — значит добровольно заразить себя болезнью. В самом нашем младенчестве, не понимая, что есть добро и зло, подобно тому, как этого еще не успел усвоить ребенок, мы выбрали путь, приведший нас к пустому будущему.

Кроме того, чужая культура стала для нас костылем. Притом мы и ее до конца не восприняли, и не развили ее во что-то свое. «Мы подобны тем детям, которых не заставили самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего; все их знание поверхностно, вся их душа вне их» [Чаадаев, 2016, с. 11]. Та культурная основа, которую принес нам другой народ, не была переосмыслена на русский лад.

Хомяков пишет: «Виновата ли летопись старого русского быта, что ее не читают?» [Хомяков, 1994]. Летопись — нет, но человек? Мало преданиям и мудрым пословицам быть русскими, необходимо, чтобы народ хранил их в себе, необходимо, чтобы они были основой его характера. Мало летописи просто существовать, она должна быть насыщенной событиями, которые будоражили бы умы, пробуждали в них глубокое чувство своей истории. Но мы оказались отброшенными от водоворота мировых событий.

Наша «незаконность» в том, что мы, причисляя себя к европейским государствам, ничего не внесли в общечеловеческую историю. Посмотрим на новое время: какие научные открытия мы принесли миру? Что великого мы создали в искусстве в сравнении с Европой? В этот период Россия не только не делала открытий, но и не имела для того подготовленной почвы.

Петр I, великий император, совершил огромный прорыв, шагнул навстречу прогрессу, отбросив все старые обычаи. Поступил бы он так, «если бы он нашел у своего народа богатую и плодотворную историю, живые предания и глубоко укоренившиеся учреждения, он не поколебался бы кинуть его в новую форму?» [Чаадаев, 2018, с. 5]. Такой мудрый правитель, как Петр I, видя в своем народе твердое живое чувство своего прошлого, народности, не пошел бы против него. Наоборот, эта внутренняя сила, если бы она была, помогла бы возродить родину.

Самое поразительное — как Чаадаев точно схватил суть русского нрава. Уже сменилось много поколений, сменился общественный строй, и не единой, но мы всё так же пребываем в «детском» состоянии. Слова Чаадаева ничуть не померкли, они звучат и в наш век на злобу дня. Мы не повзрослели, народ воспитывают века, как человека годы.

Удивительно, как актуально звучат целые абзацы, в которых каждое предложение можно объяснить с современной позиции и применить к нашему миру. «Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной» [Чаадаев, 2016, с. 11]. Народ не помнит своей истории, пусть не такой насыщенной, как европейская, но все же обязательной для понимания, что развитие необходимо. Пока мы не осознаем, кто мы такие и что у нас позади, то не узнаем, что нужно изменить и каким строить наше будущее. «У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому, что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда» [там же]. Идеи в обществе заимствуются, мы перенимаем всё у других, нет процесса рождения идеи, который, возможно, и делает прогрессивные народы таковыми, ибо сам процесс мышления облагораживает.

Что не так с веками, которые прошли с момента, как было написано «Первое философическое письмо»? Как мне видится, для воспитания народа нужна постоянность идеалов, прививаемых людям. Регулярная смена мешает их укреплению, невозможно создать систему, эклектически соединяющую в себе совершенные черты других, на это не остается времени. От этого и появляется человек без облика, озлобленный, не способный и не желающий ни учиться у других, ни создавать своего. Посмотрим на русский народ сейчас: изменился ли его характер со времен Чаадаева? Только если в привычках, какие он использует в обыденной жизни. Но черты, по которым можно отличить русского от, допустим, немца, всё те же.

Чаадаева обвиняют в западничестве. Хомяков пишет, что он несправедлив, но я думаю, что Чаадаев как раз справедлив. Он указывает на пороки народа, на его слабые места в нравах, его историческом развитии, но не с целью только лишь указать на ничтожность. Он любит Родину. Его идея, как мне кажется, в том, что преодоление этих пороков начинается с их признания. Нужно снять пелену с глаз, и тогда мы сможем развить свои умы, начать мыслить обособленно.

Возможно ли нам самостоятельно преодолеть эти преграды? Действия отдельных людей вряд ли изменят общую картину, однако Чаадаев предлагает нам начать с себя. «Необходимо, чтобы каждый из нас сам попытался связать порванную нить родства» [там же], чтобы каждый помнил хотя бы те немногочисленные яркие моменты нашей национальной истории, какие у нас были, тех правителей и ученых людей, которые вытаскивали нас из тьмы непросвещенности. И тогда, когда мы признаем необходимость не спо-

ритель и доказывать любовь к родине, а учиться и «созревать», когда это станет национальной целью, тогда и станет Россия поистине равной сестрой Европы.

Е. Д. Демьянова
Евангелие, подаренное каторжникам
женами декабристов

Блаженны изгнанные за правду,
ибо их есть Царство Небесное...

Мф. 5:10

Вечером 9 января 1850 года Федор Михайлович Достоевский вместе с другими петрашевцами прибыл в Тобольский тюремный замок. Они пробыли в нем до 20 января, после чего отправились в Омский каторжный острог, где должны были отбывать наказание за участие в заговоре. В Тобольске арестантов встретили и поддержали жены декабристов, среди которых были Наталья Дмитриевна Фонвизина, Прасковья Егоровна Анненкова и Жозефина Адамовна Муравьева. Они смогли устроить встречу, а также передать через жандармского капитана Смольникова каждому петрашевцу Евангелие сшитыми в него деньгами [Захаров, 2015, с. 49]. Это событие Достоевский вспоминает в «Дневнике писателя» за 1873 год:

Елена Дмитриевна Демьянова

Еще год спустя, в Тобольске, когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге на пересыльном дворе, жены декабристов умалили смотрителя острога и устроили в квартире его тайное свидание с нами. <...> Свидание продолжалось час. Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием — единственная книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге.

[Достоевский, 2021, с. 17–18]

Этот эпизод также описывается в романе Достоевского «Записки из Мертвого дома»:

При вступленіи въ острогъ, у меня было нѣсколько денегъ; въ рукахъ съ собой было немного, изъ опасенія, чтобъ не отобрали, но на всякой случай было спрятано, т. е. заклеено въ переплетъ евангелія, которое можно было пронести въ острогъ, нѣсколько рублей. Эту книгу, съ заклеенными въ ней деньгами, подарили мнѣ еще въ Тобольскѣ тѣ, которые тоже страдали въ ссылкѣ и считали время ея уже десятилѣтіями и которые во всякомъ несчастномъ уже давно привыкли видѣть брата.

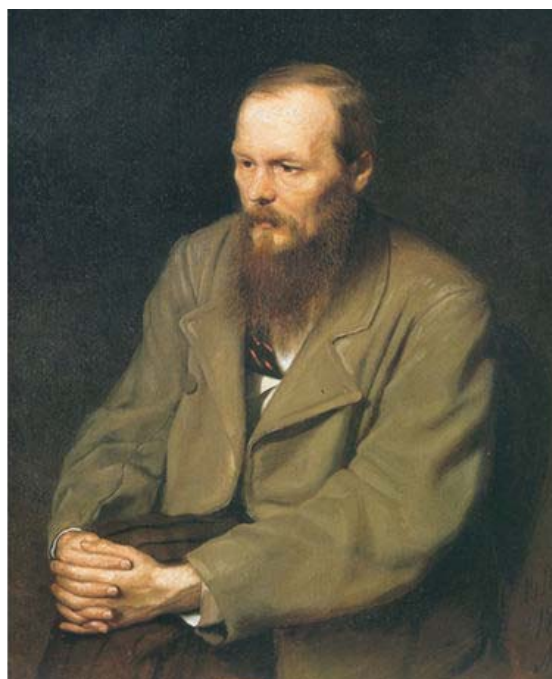
[Достоевский, 1862, с. 134]

Встреча Достоевского с женами декабристов и передача ему и другим петрашевцам Евангелия оказались судьбоносными для Достоевского-писателя и Достоевского-философа. Евангелие было единственной книгой, которую разрешено было брать с собой на каторгу, поэтому Достоевский читал ее каждый день, заново открывая для себя путь Христа и осмысляя его учение. Впоследствии оно стало фундаментальной основой философии Достоевского — ни один из его романов невозможно понять без знания Евангелия.

Однако книга, полученная Достоевским в Тобольском остроге и бережно хранимая им до конца жизни, не единственное Евангелие, которым его одарили жены декабристов. Второе Евангелие, воплощенное в жизнь и доказавшее, что путь Христа может повторить человек, жены декабристов подарили каторжникам и всему русскому народу, когда вслед за своими мужьями отправились в Сибирь.

После оглашения приговора Николай I позволил женам декабристов оформить развод и сохранить за собой всё имущество и титулы. Однако большинство женщин не воспользовались этим правом и предпочли отправиться в Сибирь вслед за мужьями, оставив свои семьи и прежнюю жизнь. Это было высшее проявление верности, любви, милосердия и чистоты сердца; это было искреннее желание разделить со своими мужьями — теми, кто боролся за правду и справедливость — тяготы каторжной жизни в Сибири.

* * *

В. Г. Перов. Портрет Ф. М. Достоевского. 1872

Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя,
и возьми крест свой, и следуй за Мною,
ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее,
а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее.
Мф. 16:24–25

Эти слова молвил Христос своим ученикам. Жены декабристов так и сделали: отреклись от своих титулов и семей, отреклись от самих себя, взяли на себя крест верности и любви и своим поступком показали спасительную силу учения Христова. Потеряв свою прежнюю жизнь, в Сибири они обрели себя настоящих как людей с великой силой воли и людей, несущих на себе крест великой любви — к человеку, народу, России.

В «Дневнике писателя» за 1873 год Ф. М. Достоевский называет В. Г. Белинского восторженной личностью, горячо верующей в идеалы социализма и открывающей в нем новые основы для нравственности. Однако одно — отвергать церковь и церковное учение, но совершенно другое — бороться против подвига Христа и его учения. И Белинский это отлично понимал:

Тут оставалась, однако, сияющая личность самого Христа, с которой всего труднее было бороться. Учение Христово он, как социалист, необходимо должен был разрушать, называть его ложным и невежественным человеколюбием, осужденным современной наукой и экономическими началами; но все-таки оставался пресветлый лик Богочеловека, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота.

[Достоевский, 2021, с. 14]

Декабристы тоже были восторженными личностями. Они хотели освободить Россию и предложить ей совершенно новые нравственные устои через восстание. Любое восстание неизбежно связано с кровью, смертью и братоубийством, что в учении Христовом грех. Декабристы это понимали, но свои собственные идеалы свободы были им дороже тех, которые подарил миру Христос. Так, их восстание было изначально обречено на провал, ибо там, где есть место смерти, не может быть свободы и любви. Это прекрасно понимали их жены. Поэтому они поставили свои веру и красоту учения Христова выше всего остального, выше своей жизни и знатности. Их подвиг — воплощение Евангелия в жизнь, доказательство того, что Царствие Божие устанавливается на земле не с помощью восстаний, бунта и революций, но с помощью любви, верности и милосердия.

Д. Ф. Малинкова
Рассказ Достоевского «Крокодил» —
сатира, пасквиль или философический текст?

Диана Федоровна Малинкова

Рассказ Ф. М. Достоевского «Крокодил» был написан в 1864 году в несвойственном писателю сатирическом ключе. История об угодившем в чрево крокодила чиновнике, ничуть не пострадавшем и устроившемся внутри с комфортом и вне всякого беспокойства, изображается фантастически и с гиперболизированной иронией (даже предисловие к рассказу от и до иронично и не содержит в себе ни одного серьезного слова). Сам Достоевский в «Дневнике писателя» за 1873 год признавался, что рассказ своей манерой преемственен по отношению к гоголевскому «Носу» [Достоевский, 1989–1996, т. 13].

Читающая публика, разумеется, не могла не заметить непривычной для творчества Достоевского сатиры и взялась гадать, какие же реальные личности стоят за образами героев рассказа. Сошлись на том, что смеется Достоевский над ссыльным Чернышевским, к которому у писателя якобы была неприязнь, и над желанием того пропагандировать собственные идеи, несмотря на обстоятельства (крокодил — настигшая Чернышевского ссылка). Точно так же Иван Матвеевич продолжает, уже сидя в желудке крокодила, вещать «об идеях», не волнуясь о своем положении, а даже находя в нем преимущества: внимание общества и газет.

В «Дневнике писателя» Достоевский эту расхожую сплетню опровергает, вспоминая о своем визите к Чернышевскому после выхода наделавшей шума в обществе прокламации. Однако он не поясняет, есть в «сущей безделице», как он сам называл «Крокодила», что-то кроме шутки или нет [там же].

Тогда, в начале 1860-х, российское общество было взбудоражено впервые появившимися публикациями различных прокламаций. Особенно заметной оказалась «Молодая Россия», спустя два дня после выхода которой в Петербурге начались пожары, то ли учиненные революционно настроенными студентами (во что верили далеко не все), то ли самой властью. Беспокойство, переживаемое Достоевским в эти дни по поводу происходящего, и привело его к Чернышевскому, с кем они даже не были ранее представлены друг другу [Кантор, 2016].

Целью своего визита писатель всё в том же «Дневнике...» называл возможность Чернышевского повлиять на молодых революционеров, в прокламации

которых и в вызванной ею буре сам Достоевский, вероятно, увидел возможный сценарий будущего России. Отчасти, как я покажу ниже, это ощущение выразится уже в «Крокодиле», а полное свое воплощение явно найдет позднее в «Бесах».

Возвращаясь именно к сути отношений между Чернышевским и Достоевским, стоит заметить, что в своих личных записях Федор Михайлович о Николае Гавриловиче высказывается с уважением и убежденностью в том, что тот отлично понимает: содержание разошедшихся в обществе прокламаций ужасно. Не верить Достоевскому, открестившемуся от не самой лицеприятной пародии на каторжного, думается, оснований нет: слишком уж мелко и недостойно опускаться до подобного пасквиля, особенно для того, кто сам прошел каторгу.

Бесспорно, «Крокодил» — это сатира. Нескрываемая, яркая и злободневная. Высмеиваются здесь все персонажи: одержимый великой идеей Иван Матвеевич, нелепый и не понимающий своего положения; его жена, с удовольствием примеряющая роль вдовы при живом муже; его друг, что сыт по горло Иваном Матвеевичем, но улыбается тому в глаза; немец — владелец крокодила, занятый только расчетом выгоды и убытков из-за произошедшего инцидента, — все они комичны, нелепы и жалки. Однако это более или менее очевидная для всех читающих сторона смысла.

Хотелось бы сосредоточиться на другом, а именно на смысле философском, который большинством современников «Крокодила» остался непонятым. Сам Достоевский в «Дневнике...» не упоминает необходимости подобной трактовки, но, как кажется, он неспроста и не только ради выражения некоего уважения, хоть и несогласия с идеями Чернышевского пишет о попавшей ему в руки листовке от неназываемой группы революционеров, вероятно последователей Чернышевского, но вывернувших его учение наизнанку [Достоевский, 1989–1996, т. 13].

Листовка глупого, пустого содержания, выдаваемого при этом за нечто невероятно ценное и грандиозно важное, была настолько неумела и несуразна, что Достоевский нанес визит Чернышевскому с просьбой повлиять на этих последователей авторитетным неодобрением. Тот вредоносность идейно-искаженных листовок признал, но выражать неодобрение публично не согласился, потому что бесполезно [там же].

Этот эпизод, вполне возможно, ключ к пониманию философского наполнения «Крокодила», что за бросающейся в глаза иронией прячет в себе размышление о разрушительной силе одержимости идеями. Идеями всякой: либеральной, экономической, славянофильской, западной — это неважно. В рассказе мы видим аллюзии на представителей разных течений. Что значимо,

так это одержимость «великой идеей», ослепленность ею, даже если за красивыми словами о высших смыслах и долге лишь пустота.

В рассказе мы имеем дело с группой важных образов. Иван Матвеевич — яростный идеолог, крокодил — образ сложный, неслучайно нагруженный: тут и древность происхождения, и хтоническая чудовищность: крокодил как ветхозаветный Левиафан, следом вызывающий этим ассоциации с государством из трактата Гоббса, что тоже вполне могло быть намерением Достоевского.

Крокодил — это, вероятно, аллегория на силу идеологии, всеохватывающей идеи, которая поглощает, «пожирает» человека именно потому, что сама пуста:

Ибо, положим например, тебе дано устроить нового крокодила — тебе, естественно, представляется вопрос: какое основное свойство крокодилово? Ответ ясен: глотать людей. Как же достигнуть устройством крокодила, чтоб он глотал людей? Ответ еще яснее: устроив его пустым. Давно уже решено физикой, что природа не терпит пустоты. Подобно сему и внутренность крокодилова должна именно быть пустою, чтоб не терпеть пустоты, а, следовательно, непрерывно глотать и наполняться всем, что только есть под рукою.

[Достоевский, 1973, с. 196]

Эти неосознанно самообличающие слова Ивана Матвеевича слишком уж замысловаты для «сущей безделицы» и только лишь сатиры.

Зашоренные «идеей» люди остаются слепы к действительности. «Идеей», которую человек выбрал для себя главной, объясняется всё, безразлично к фактическому положению дел и моральной составляющей.

Тот же «экономический принцип», про который упоминают все герои, настолько возведен в абсолют и не подвергается никакому осмыслению и ограничению рамками здравого смысла. Даже Иван Матвеевич, узнав о планах хозяина крокодила увеличить цену за вход из-за невиданного происшествия, не возражает и не возмущается: «Они правы, экономический принцип прежде всего». Тот факт, что на его беде кто-то третий планирует нажиться финансово, Ивана Матвеевича не беспокоит.

Абсурдность поведения всех и каждого, искаженность идей и речей героев доведены до предела. Иван Матвеевич не перестает вещать о необходимости внимания к его идее, но ни разу за весь рассказ не объясняет, чем эта идея так ценна, в чем ее суть. Его волнует одно: привлечь внимание к себе, стать значимым, стать вещателем. Практическая, социальная полезность — о таком он

даже не думает. Он значим потому, что посвятил себя «великой идее», он отнесен к ней, и этого уже достаточно.

Это желание обрести значимость через соотнесенность с идеей становится темой для философского рассуждения, умело сокрытого за сатирическим фасадом «Крокодила». Это рассуждение явным образом прослеживается во всем дальнейшем творчестве Достоевского. Важно помнить, что сам рассказ был написан в переходный период, в период поиска новой художественной формы и оснований для дальнейших произведений [Живолупова, 2008]. Уже через год после публикации «Крокодила» свет увидит роман «Преступление и наказание» — первый из «Великого пятикнижия».

Здесь не просто насмешка над нелепыми, захваченными идеей людьми, а первая обрисовка Достоевским «превращения “благодетелей человечества” в “людоедов человечества”» [там же, с. 114]. Однако здесь еще, в пределах рассказа, он ограничивается лишь описанием, как бы «портретом». В дальнейшем он вглядывается в происходящее гораздо пристальнее, исследуя и причины, и последствия, угадывая, что подобная одержимость искаженными идеями, идеями ради них самих, ведет к хаосу и разрушению. Потому что любая, самая благая идея, если она возводится в абсолют и обслуживается только ради значимости ее последователей, превращается в крокодила, в чудовище.

В «Идиоте» Достоевский напишет об этом так: «Но друг человечества с шаткостью нравственных оснований есть людоед человечества, не говоря уже о тщеславии: ибо оскорбите тщеславие которого-нибудь из сих бесчисленных друзей человечества, и он тотчас же готов зажечь мир с четырех концов из мелкого мщения...» [Достоевский, 1989–1996, т. 6, с. 466].

Позже, уже в «Бесах», тема одержимости идеей достигнет своего апогея. Угаданный в коротком рассказе хаос, вносимый идейно-пустыми размышлениями и поступками во имя высших смыслов, описанный, данный как факт, как нелепость, в романе разрастется до бунта, практического и разумного обоснования и тем более программы которого нет, то есть, словами Пушкина, до того самого «русского бунта, бессмысленного и беспощадного».

Таким образом, завершая переходный период творчества нехарактерным для него сатирическим рассказом «Крокодил», Достоевский остается верен себе, уже здесь начиная разрабатывать одну из главных тем своего творчества, делая первые штрихи в портрете болезни современного ему общества, и сам крокодил — это такое хтоническое чудовище, от которого надо бы уберечься.

А. А. Пархоменко

**Мужик, забивающий жену, и мужик, забивающий лошадь:
на основе «Дневника писателя» и «Преступления и наказания»
Ф. М. Достоевского**

В одной из глав «Дневника писателя» — «Среда» — Ф. М. Достоевский, говоря о высшего порядка несправедливости суда присяжных, склонности народа к «жалостливости» и оправданию откровенных преступников, рассказывает историю о не выдержавшей избиений мужа и оттого повесившейся женщине. Писатель представляет это дело как истинную трагедию. Для него это не частный случай подобного зверства и несправедливости, не только преступление мужа против жены, мужчины против женщины, но нарушение и забвение высшего, божественного порядка.

Ангелина Артемовна Пархоменко

В творчестве Достоевского этот мотив появляется не впервые, он же по некоторым идейным и даже лексическим совпадениям отчетливо прослеживается в одном из романов «Великого пятикнижия» писателя — «Преступлении и наказании». Женщина, забитая мужем, получает у Достоевского следующую характеристику: «Очень маленькая, исхудавшая, как щепка, женщина». И далее: «Иногда это бывает, что очень большие и плотные мужчины, с белым, пухлым телом, женятся на очень маленьких, худеньких женщинах...» [Достоевский, 2021, с. 29]. Почти дословное описание дает Достоевский другой своей героине — Соне Мармеладовой: «Соня была маленького роста, худенькая...», у нее «худое, бледное и испуганное личико» [Достоевский, 1989, с. 175]. Вполне очевидной представляется проводимая писателем параллель. Более того, выделяется некоторый тип героини Достоевского — в этой «маленькой, худенькой» девушке, подвергающейся некоторым испытаниям внешних обстоятельств, он находит большее. Именно поэтому женщина из «Дневника писателя» так «странно» смотрится рядом со своим мужем, а Соня Мармеладова при всех известных обстоятельствах остается одной из самых светлых и чистых героинь Достоевского. Ответ нам дает сам писатель: «...неужели вы не поверите, что эта женщина в другой обстановке могла бы быть какой-нибудь Юлией или Беатриче из Шекспира, Гретхен из “Фауста”?» [Достоевский, 2021, с. 30]. Эти «худенькие, маленькие» героини Достоевского при всей своей внешней хрупкости и невеликости могут вырасти не просто в «каких-нибудь» Беатриче или Гретхен, через них проступает в творчестве писателя образ таинствен-

ной Вечной женственности, которую провозглашал Данте в образе Беатриче, выводящей героя «Божественной комедии» из ада. Она же явилась в «Фаусте» Гёте: «Вечная женственность тянет нас вверх» („Das Ewig-Weibliche zieht uns hinan“), а через самоубийство героини Достоевского, вероятно, отзеркаливается, переворачивается и образ шекспировской Офелии. Кажется важным отметить многогранный образ Вечной женственности В. С. Соловьева, с которым у Достоевского сложились особые отношения идейного взаимовлияния. В творчестве Соловьева указанный нами образ появляется во многих ипостасях: так, А. Ф. Лосев указывает десять аспектов учения о Вечной женственности Соловьева: «Абсолютный, богочеловеческий, космологический, антропологический, универсально-феминистический, эстетически-творческий, интимно-романтический, магический, национально-русский и эсхатологический» [Лосев, 2009, с. 277]. Для него это София, Премудрость Божия, Мировая душа, Церковь как воплощение Христа на земле. Здесь присутствует и женское начало, которое выражается среди прочего в образе Девы Марии. Вечная женственность, София получает воплощение и в поэтическом творчестве Соловьева в образе вечно сопутствующей его лирическому герою «милой подруги», которой он посвящает свою вдохновенную мистическими встречами с Софией поэму «Три свидания». При всей многогранности образа Вечной женственности и множественности ее имен неизменно то, что она представляет собой некоторое связующее звено между человеческим и божественным. Именно поэтому описываемое в «Дневнике писателя» дело для Достоевского оборачивается трагедией: «И вот эту-то Беатриче или Гретхен секут, секут как кошку!» [Достоевский, 2021, с. 30], низвергают божественное, ту, кто выводит человека из ада.

Вместе с тем Достоевский протягивает еще одну нить к «Преступлению и наказанию». При обращении к лексическому уровню текста мы замечаем появление некоторых животных мотивов. Рядом с избиваемой женщиной постоянно возникают и срastaются с ней животные образы: «Он [муж] и сам не знал, за что ее бьет, так, по тем же, вероятно, мотивам, по которым и курицу вешал». Женщина исполняет повеления мужа «бессловесно», она издает «животные крики страдальцы», кричит «нечеловеческим голосом», «дико как-то кряхтит» [там же, с. 29]. Это постепенное превращение избиваемой женщины в животное приводит нас к особенно страдающему у Достоевского (и не только у него) животному — лошади.

Следует оговориться, что необходимо различать образы лошади и коня. Конь довольно часто представляется как верный скакун, символ благородства и отваги, именно конь несет на своей спине героя-храбреца и является ему преданным другом. Лошадь же в меньшей степени удостоилась этой чести, ее

место скорее в быту, и во многом это животное именно страдающее, закабаленное и находящееся под уздой. Читаем у Пушкина:

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

[Пушкин, 1985, с. 423]

Поэтом страдающих лошадей был Некрасов — не чуждый Достоевскому поэт. В одном из его стихотворений «молодые лошади», которых кто-то называет бедными, а кто-то глупыми, тащат «громадный вагон», сошедший с рельс, участь их «страшна» и незавидна. Некрасов жалеет и уже немолодую лошадь, участь которой еще более страшна:

Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача.

[Некрасов, 1981, с. 172]

«Жесткая рука» погонщика регулярно прибегает к кнуту, который призван и заставить лошадь идти, и якобы отблагодарить измученное животное за его усилия. Лошадь, а скорее «клячонка» Некрасова приобретает антропоморфные черты. Она плачет и страдает, ее взгляд подобен тому, как «люди глядят, покоряясь неправым нападкам». Вместе с тем в разряд человеческих страданий вписывать страдания лошади люди отказываются — потуги «лошади-калеки», «клячонки» вызывают у проходящих мимо смех, лошадь оказывается для них козлом отпущения.

Словно вторит стихотворению Некрасова сюжет, разворачивающийся в «Преступлении и наказании» Достоевского в рамках первого сна Раскольнико-

ва. Первый сон накануне преступления уносит героя в его детство, когда он «лет семи» проходит с отцом по дороге с кладбища мимо кабака и переживает картину избиения лошади, в конце концов доведенной до смерти. Здесь та же самая «жесткая рука человека» с кнутом, проходящим по спине, бокам, глазам лошади, такой же вокруг смех и несовместимое с ним страдание животного, которое оказывается заметно только ребенку. Только ребенок ставит страдание этой лошади на один уровень с человеческим и произносит слова: «Бедную лошадику... убили» [Достоевский, 1989, с. 59]. Убитая лошадь была «маленькая, тощая», как героиня «Дневника писателя» и как Соня Мармеладова. Так происходит взаимовлияние образов: с одной стороны, лошадь поднимается до уровня названных героинь — животное превращается из замученной «клячки» в носительницу и проводницу образа Вечной женственности, повышается до уровня божественного знака, с другой — сами героини в некоторой степени опускаются до уровня лошади. Они оказываются такими же замученными и недостойными общего сострадания. Наряду с этими хрупкими героинями, разделяющими судьбу животного, появляется во сне Раскольников и другая женщина — «толстая и румяная» [там же, с. 57]. Мужики, забивающие лошадь, берут ее с собой, признают своей. Вероятно, она лишена «любящего, возвышенного сердца, характера, исполненного оригинальнейшей красоты» [Достоевский, 2021, с. 30], как говорит Достоевский о замученной мужем женщине. Но ее принимают и не забивают. Такая женщина не будет замученной, но она для писателя никогда не станет божественным проводником и идеалом. Вероятно, именно страдающая хрупкая девушка несет в себе образ Вечной женственности, является продолжательницей Беатриче и Гретхен, так как эта хрупкость и зло сложившихся вокруг нее обстоятельств делают ее возможной носительницей высшей идеи вопреки внешне заданному. Способность выживать в таких условиях и не превращаться в «бабу толстую и румяную» проявляют в ней качества более высокого порядка. Точно так же не поддавалась внешнему давлению любимая героиня Пушкина Татьяна Ларина. Обладая совершенно особенным складом души, Татьяна смогла сохранить его в условиях, совершенно к тому не располагающих: обстоятельства внешней жизни, человеческие чувства страсти и любви, вероятно, стали для нее искушениями, но искушениями преодоленными, в результате чего Татьяна сохраняет свою чистоту именно вопреки, а не благодаря.

Лошади населяют страницы романа Достоевского: животное появляется уже в первой главе романа, запряженное «огромной телегой» и везущее пьяного, который указал Раскольникову на его примечательную шляпу — именно она является одной из первых деталей, через которую читатель постепенно пробирается к преступной мысли героя. Далее лошадь появляется после совер-

шенного Раскольниковым убийства: во-первых, он чуть не попал под лошадь, во-вторых, он дрожал «как загнанная лошадь». Наконец, лошадьми был раздавлен Мармеладов. Лошадь становится некоторым предупреждением и даже божественным знаком: она появляется в самом начале романа, накануне убийства, после убийства, и кульминацией является раздавленный лошадьми Мармеладов. Так, образ лошади оказывается предупреждающим для героя, он остерегает его от страшнейшего деяния — преступления против божественного. Так, когда мужик во сне Раскольникова забивает лошадь, он кричит: «Что хочу, то и делаю!» Здесь мы оказываемся совсем недалеко от выраженной в «Братьях Карамазовых» страшной и губительной, по мысли Достоевского, формуле: «Если Бога нет, то все дозволено». И именно ребенок оказывается наиболее восприимчив к этой трагедии: принимающим страдание лошади во сне Раскольникова является ребенок. Так же и в «Дневнике писателя». Там оказывается важна фигура девочки — дочери забитой женщины, давшей показания против своего отца. Именно ребенок у Достоевского является чистой душой, которая усматривает и улавливает страдание другой чистой души. Вероятно, именно в этом и проявляется завет Христа «Будьте как дети». Раскольникову посылаются лошади и Соня Мармеладова как проводники одной и той же мысли, как средство напоминания и спасения. Мармеладова раздавили лошади, Раскольникова же чуть не раздавили лошади, потому что у него есть возможность увидеть своего божественного проводника и следовать ему. Он не забивает лошадь, но сострадает ей, точно так же, как видит в женщине «маленькой, худой» Вечную женственность, Душу мира, Божественную проводницу.

А. В. Переплеткин **«В чем моя вера?» и «Отец Сергей» Л. Н. Толстого:** **причины отлучения писателя от православной церкви**

Лев Николаевич Толстой, великий русский писатель, сравнимый по славе с Гёте [Кантор, 2000, с. 120–121], после «Войны и мира», периода жизни, по его словам, нигилистического, приходит к вере. В «Исповеди» он пишет, что начало его веры коренилось в церкви православной [Толстой, 1957, Исповедь, с. 53]. Сначала он многое не понимал из обрядов церковных, но исполнял. Не понимал, но исполнял. Потом был отлучен от православной церкви. Как так вышло? Как свер-

Александр Владимирович Переплеткин

нул Толстой с пути православного и создал новый путь — толстовство? Кем он был?

Для ответа на эти вопросы мы обратимся к образу дракона из «Так говорил Заратустра» [Ницше, 1994, с. 47–49], поскольку нигилизм был чем-то очень близким для этих двух мыслителей. Для них обоим речь шла о ценностях, но, как прозорливо отметил Ф. Степун, «если Ницше проповедовал переоценку всех ценностей, то Толстой проповедует их обесценивание» [Степун, 1998, с. 36]. Это действительно так: история, так вознесенная Гегелем, культура, включающая в себя науку и творчество гения, такого как Гёте, даже сама церковь, тело Христово на земле, — всё это было повергнуто в ничто лицемерным Львом. Лев Толстой очень похож на льва ницшеанского, но сам он — не сверхчеловек. Он есть нечто промежуточное, странное. Толстой всё желает разрушить, почти всё. Только русский мужик, простой народ для него еще что-то да значит. Однако ведь его он принимает, считает, что лишь на стороне народа истина, которая жизни народной противоречить не может. Это отбрасывает его от модельного сверхчеловека. Однако сверхчеловеком, в некоторой степени новым «спасителем», его делает желание самому создать «учение Христово».

Он писал: «Иисус был сын неизвестного отца. Не зная отца своего, он в детстве своем называл отцом своим Бога» [Толстой, 1992, с. 13]. Для Толстого не была важна божественность Христа. Ему нужен был Христос только как человек, с которым он, тоже человек, мог бы поравняться. Толстой радикально не понимал значимость сверхчувственного, а всякая теология для него была пустой болтовней. Действительно, от этого народу не хуже и не лучше. Недаром он стремился обходить тему жизни после смерти и, наоборот, очень много говорил, как и большевики, о роли труда, о важности того, чтобы жизнь по эту сторону всё более походила на жизнь простого мужика, близкого природе.

В этом признании природы как чего-то неисторичного еще ярче вырисовывается прямая антипатия ко всему историческому. Толстой не понимал и не хотел понять историю. Однако в отвержении истории мира сего он утратил и историю метафизическую, направленную к Страшному суду. Оттого и учение его есть учение настоящего, а не будущего.

Ф. Степун полагал, что Толстой не переоценивал ценности, а скорее их обесценивал. Наука, почти всё искусство, церковь и многое другое было им отвергнуто. Но так ли это применительно к христианству? На этот вопрос можно дать ответ: «Скорее да, чем нет». Толстой не проводил, как может показаться, очищение христианства от всего, что «не от Христа», от «учения мира»

[Толстой, 1957, В чем моя вера?, с. 416]. Нет, он вытаскивал нужное ему из этого органически устроенного целого. Обряды, иконы, храмы, догматы о сверхчувственном — всё это было не нужно Толстому:

Лев Николаевич высказался против обязательности евангельских текстов, которые извращены.

— Не хочется мне этого говорить, но уж я скажу: как раньше я любил Евангелие, так теперь я его разлюбил.

Потом прочли одно прекрасное место из Евангелия, по изложению Льва Николаевича.

— Я опять полюбил Евангелие, — произнес он улыбаясь.

[Булгаков, 1989, с. 260]

Прямо-таки люцефирические слова! Имя Христа для него скорее маска, под которой он прячет и себя, и простой люд.

Однако и во тьме Толстого проблескивает свет христианства. Роль семьи, заботы о ближнем, любви по заслугам была оценена Толстым. Его отец Сергей [Толстой, 1954], несмотря на свою парадоксальность, всё же совершал поступки, достойные подражания со стороны верующего. Действительно, можно найти общее между толстовством и христианством. Но много ли? Не преломляется ли это общее в зиянии тьмы?

Толстой, вероятно, считал себя тем, кто переоценил историческое христианство во благо истины, но, судя по всему, дело обстояло далеко не так. В его антихристовых тенденциях улавливается скорее зверская, львиная деструктивность по отношению к тому, о чем учит церковь. Он так и остался нигилистом до конца жизни. Пессимистическая форма его нигилизма перешла довольно быстро в нигилизм ницшеанского льва. Идол простого народа остался у него от верблюда. Своим стремлением заменить Христа, желанием самому создать Евангелие он был близок к ребенку. Больше всего в нем царил безумная деструктивность льва. Так кто же он? Антихрист? Может быть, предвестник большевизма [Кантор, 2006]? Это не столь важно, поскольку причины его отлучения от православной церкви ясны и понятны. Хочу завершить свой текст словами Николая II, сказанными в адрес Л. Толстого: «Господь Бог да будет ему милосердный судья» [Правительственный вестник, 1910].

И. Ю. Голубев Как я понимаю Серебряный век

Я обращаюсь с требованием веры

И с просьбой о любви...

М. И. Цветаева

Чуть больше ста лет назад завершился Серебряный век русской культуры. В августе 1921 года умирает Александр Блок. Спустя несколько недель расстрелян Николай Гумилев. Привычная для всех дата окончания Серебряного века уж очень условна, но всё же она отчетливо запечатлела на страницах истории удивительный период, который смогла прожить Россия. Период, подаривший стране удивительных поэтов, философов, композиторов и художников. Время, которое должны были осмыслить и пережить деятели Серебряного века, стало невероятно трагичным и противоречивым — Кровавое воскресенье, Февральская революция, Русско-японская и Первая мировая войны, Октябрьская революция 1917 года. В тяжелом дыхании начала XX века ощущается приближение катастрофы. Страна рассыпается на части, проживая время болезненных изменений и смутного ожидания будущего: «Рожденные в года глухие / Пути не помнят своего. / Мы — дети страшных лет России — / Забыть не в силах ничего... / И пусть над нашим смертным ложем / Взовьется с криком воронье, — / Те, кто достойней, боже, боже, / Да узрят царствие твое!» [Блок, 1960, с. 278].

Иван Юрьевич Голубев

* * *

Они искали и чувствовали что-то одно. Пожалуй, именно после Пушкина Серебряный век становится новой эпохой Ренессанса в России. Это — постоянное обращение к культуре Древней Греции, этакий поиск своего Акрополя, а также попытка обрести истинного себя в самом центре бушующей жизненной стихии:

Героизм серебряного века в этом и состоит. И что-то в созданиях его художников, несмотря на неизбежную бледность, даже лучше искусства золотого. Там слишком уж все полногласно, слишком переливается через край. Здесь — мера человеческих сил. Все суше, беднее, чище, но и, более дорогой ценой купленное, ближе к автору, более — в человеческий рост... Нет, художник серебряного

века не ищет более ничтожных тем, нежели его счастливый предшественник. Он такой же искатель и носитель последних истин. Он пытается, с неизмеримо большим трудом, чем те, кому помогла стихия, дать образ своей и всей вообще человеческой жизни. Он — труженик искусства, не баловень его.

[Оцуп, 1993, с. 557]

Должно признать, что образ своей и общественной жизни становится очень темным и безудержно тоскливым. В мыслях философов и поэтов начала XX века слышна огромная тревога за страну, ее культуру, которая вот-вот разрушится как карточный домик. Однако живет надежда. Простая человеческая надежда. Надежда Розанова нащупать контуры русской культуры, надежда найти причину, чтобы оставаться живым, надежда на то, что Родина тебя не покинет:

Мне кажется, Розанов всю жизнь шарил в мягкой пустоте, стараясь нащупать, где же стены русской культуры. Подобно некоторым другим русским мыслителям, вроде Чаадаева, Леонтьева, Гершензона, он не мог жить без стен, без «акрополя». Все кругом поддается, все рыхло, мягко и податливо. Но мы хотим жить исторически, в нас заложена неодолимая потребность найти твердый орешек Кремля, Акрополя, все равно, как бы ни называлось это ядро, государством или обществом.

[Мандельштам, 1993, с. 222–223]

Художники Серебряного века создают новую жизнь. Они изобретают ее заново. Гумилев и Блок, Хлебников и Белый, Цветаева и Ахматова — будто щит, в виде тонкой яблочной кожуры, под которой пылает огненная лава событий. Трагизм, мистицизм, желание ухватиться за праведные смыслы, найти опору в себе и в собственной стране — основной мотив, живущий в сердце Серебряного века: «Я — угрюмый и упрямый зодчий / Храма, восстающего во мгле, / Я возревновал о славе Отчей, / Как на небесах, и на земле. // Сердце будет пламенем палимо / Вплоть до дня, когда взойдут, ясны, / Стены Нового Иерусалима / На полях моей родной страны...» [Гумилев, 1988, с. 310].

* * *

— Подадите ли вы мне руку?..

— Лично — да. Только лично. Не общественно.

З. Н. Гиппиус

Трагедия мыслителей Серебряного века стала прямым отражением ужаса, в котором существовала Россия. Империя угасала на глазах. Наступала пора

большевиков. Блок революцию поддержал, а его ближайший друг Зинаида Гипшиус отвергла. Поэтому и подала ему руку «только лично. Не общественно». Важным следствием будет то, что все поэты, кто, казалось бы, поддержал революцию, были в конечном счете разочарованы. Можно сказать, смертельно. Они жаждали увидеть новое настоящее, а получили террор, расстрелы, разруху. Блок скончался спустя несколько лет после революции, Гумилев был расстрелян, Маяковский и Цветаева выбрали путь другой, не менее, а может, и более трагичный, доступный, наверное, только очень сильным людям:

Так что была артистическая эпоха как бы увертюрой надвигавшегося на Россию безумия как образа жизни, как и положено безумию — игрой изживавшему болезнь, в данном случае — социальную болезнь взросления оторвавшейся от общинно-государственной и семейно-родовой жизни огромной массы народа. Но в процессе этого взросления, к несчастью, были подрублены корни цивилизации.

[Кантор, 2012, с. 16]

Трагедия была невыносимой. Болезнь оказалась неизлечимой. Страна уходила из-под ног. Это чувствуется даже у Ахматовой, которая, казалось бы, еще очень долго продолжала звучать эхом Серебряного века: «И упало каменное слово / На мою еще живую грудь. / Ничего, ведь я была готова, / Справлюсь с этим как-нибудь. // У меня сегодня много дела: / Надо память до конца убить, / Надо, чтоб душа окаменела, / Надо снова научиться жить. // А не то... Горячий шелест лета / Словно праздник за моим окном. / Я давно предчувствовала этот / Светлый день и опустелый дом» [Ахматова, 2016, с. 336].

Мережковский, Бердяев, Ходасевич... великие люди покидали Россию. Ахматова, Цветаева, Белый... продолжали с Россией оставаться. Но объединяло их одно большое и ни с чем не сравнимое чувство — тоска по Родине, где когда-то «вальсы Шопена играли».

* * *

Мы живем, под собою не чуя страны...

О. Э. Мандельштам

И всё-таки Серебряный век представляется нам вроде белоснежной, вернее сказать, «серебряной» Луны. Которая в крошечной темноте по-прежнему светит. Ярко и неотразимо. Этот, пожалуй, неповторимый до сих пор культурный взрыв в России вряд ли закончился в 1921 году. Он продолжал звучать

благодаря голосу Ахматовой, Мандельштама, Есенина, Пастернака, музыке Рахманинова и Скрябина, картинам Врубеля и Серова, трудам Бердяева и Мережковского, мысли которых по сей день живы не только у нас, но и в Европе. Да, события внутри страны будто бы всех раскололи, но всё же они чувствовали друг друга и были одним единственным ступеньком света. Даже Маяковский. «Влюбленный Маяковский чаще всего читал Ахматову. Он как бы иронизировал над собой, сваливая свою вину на нее, иногда даже пел на какой-нибудь неподходящий мотив самые лирические, нравящиеся ему строки. Он любил стихи Ахматовой и издевался не над ними, а над своими сантиментами, с которыми не мог совладать» [Брик, 2011, с. 74].

Конечно, творчество Серебряного века не рождается только из царящих ужасов внутри страны, это был общий закат, если так можно сказать, цивилизации. Мы знаем труд Шпенглера о закате Европы, мы знаем, как остро переживали мировые события Мережковский и Бердяев, мы знаем неповторимого Франца Кафку, который предвосхитил весь XX век — век реальности, полной абсурда. Но всё же хотелось сказать о России. России, которая подарила миру Серебряный век. Век, который призывал любить и не забывать о Боге. Век, который создал великое искусство, способное уберечь человеческое сердце от царящей бессмыслицы. Век, который призывал человека создать себя по образу и подобию Божьему, будто величественный герой эпохи Возрождения.

Противоречия Серебряного века не пощадили никого — ни читателя, ни почитателя, ни современника. Но самое главное — XX век не пощадил русскость, многовековую традицию.

Таков был урок истории, который нам всем необходимо выучить, переосмыслить, передать другому. Такова была наша скорбь на берегах рек вавилонских.

Список источников

Ахматова А. А. Реквием // Ахматова А. А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2016. С. 327–341.

Блок А. А. «Рожденные в года глухие...» // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.; СПб.: Худож. лит., 1960. Т. 3. С. 278.

Брик Л. Ю. Пристрастные рассказы / сост. Я. И. Гройсман, И. Ю. Генс. Нижний Новгород: Деком, 2011. 368 с.

Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Правда, 1989. 448 с.

Гершензон М. О. Статьи о Пушкине. СПб.: Ленинградский Гублит, 1926. 123 с.

Гумилев Н. С. Память // Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель. 1988. С. 309–310.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя (1873). М.: Изд-во АСТ, 2021. 256 с.

Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. СПб.: Типография Юсафлта Огризко, 1862. 473 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1973. Т. 5: Повести и рассказы 1862–1866.

Достоевский Ф. М. Сила и правда России. М.: РИПОЛ Классик, 2021. 834 с.

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989–1996.

Живолупова Н. В. Крокодил // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 111–116.

Захаров В. Н. Кто подарил Достоевскому Евангелие в январе 1850 года? // Неизвестный Достоевский. 2015. № 2. С. 44–53.

Кантор В. К. Апология сумасшедшего, или Разум против безумия толпы // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 4. С. 12–34.

Кантор В. К. «Вечно женственное» и русская культура // Октябрь. 2003. № 11. С. 155–176.

Кантор В. К. Серебряный век: культура против цивилизации, или Победа архаических смыслов // Культура и искусство. 2012. № 4. С. 12–17.

Кантор В. К. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с.

Кантор В. К. Лев Толстой: искушение неисторией // Вопр. литературы. 2000. № 4. С. 120–181.

Кантор В. К. Лев Толстой как предшественник большевизма. URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2006/52/ka22.html> (дата обращения: 05.11.2022).

Кантор В. К. Философия Чаадаева, или Отброшенный камень, который лег во главу угла. URL: https://www.youtube.com/watch?v=VLrYV1_wfcs (дата обращения: 04.04.2022).

Лосев Ф. А. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. 624 с.

Мандельштам О. Э. О природе слова // *Мандельштам О. Э.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 1. С. 217–231.

Некрасов Н. А. Стихотворения // *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. 447 с.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. Я. Э. Голосовкера и В. Б. Микушевича. М.: Изд. группа «Прогресс», 1994. 512 с.

Оцун Н. А. «Серебряный век» русской поэзии // *Оцун Н. А.* Океан времени. Стихотворения. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания о писателях. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. С. 549–558.

- Переписка А. С. Пушкина: в 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. 575 с.
- Плетнев Р. В. О животных у Достоевского // Новый журнал. Нью-Йорк, 1972. № 106. С. 113–133.
- Правительственный вестник. 1910. № 242. 9 ноября.
- Пугачев В. В. Пушкин и Чаадаев // Искусство слова. М: Наука, 1973. С. 101–111.
- Пушкин А. С. Стихотворения // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1. 527 с.
- Степун Ф. А. Религиозная трагедия Льва Толстого // Степун Ф. А. Встречи. М.: Аграф, 1998. С. 18–43.
- Толстой Л. Н. В чем моя вера? // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 23. С. 304–465.
- Толстой Л. Н. Исповедь // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 23. С. 1–59.
- Толстой Л. Н. Краткое изложение Евангелия // Толстой Л. Н. Евангелие Толстого. М.: Новости, 1992. 448 с.
- Толстой Л. Н. Отец Сергей // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1954. Т. 31. С. 5–46.
- Хомяков А. С. Несколько слов о «Философическом письме», напечатанном в 15 книжке «Телескопа». (Письмо к г-же Н.). URL: <http://homyakov.lit-info.ru/homyakov/publicistika/o-filosoficheskom-pisme.htm> (дата обращения: 04.04.2022).
- Цветаева М. И. Стихотворения // Цветаева М. И. Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. 640 с.
- Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. Strelbytskyu Multimedia Publishing, 2018. 42 с.
- Чаадаев П. Я. Философические письма. М: Эксмо, 2006. 543 с.
- Чаадаев П. Я. Философические письма: сборник. М.: Директ-Медиа, 2016. 829 с.

References

- Akhmatova, A. A. (2016) *Rekviem [Requiem]*, in *Maloe sobranie sochinenii [Small Collection of Works]*. St. Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, pp. 327–341.
- Blok, A. A. (1960) “Rozhdennye v goda glukhie...” [“Those born in obscure times...”], in *Sobranie sochinenii: v 8 tomakh. Tom 3 [Collected Works: 8 vols. Vol. 3]*. Moscow; St. Peterburg: Khudozhestvennaya literatura, p. 278.
- Brik, L. Yu. (2011) *Pristrastnye rasskazy [Biased Stories]*. Nizhny Novgorod: Dekom.
- Bulgakov, V. F. (1989) *L. N. Tolstoi v poslednii god ego zhizni [L. N. Tolstoy in the Last Year of his Life]*. Moscow: Pravda [Truth].
- Chaadaev, P. Ya. (2018) *Apologiya sumasshedshego [Apologia of a Madman]*. Strelbytskyu Multimedia Publ.

Chaadaev, P. Ya. (2006) *Filosoficheskie pis'ma [Philosophical Letters]*. Moscow: Eksmo.

Chaadaev, P. Ya. (2016) *Filosoficheskie pis'ma: sbornik [Philosophical Letters: Collection]*. Moscow: Direct-Media.

Gershenson, M. O. (1926) *Stat'i o Pushkine [Articles about Pushkin]*. St. Peterburg: Leningradski' Gubliti.

Gumilev, N. S. (1988) Pamyat' [Memory], in *Stikhotvoreniya i poemy [Stories and Poems]*. Leningrad: Sovetskii pisatel' [Soviet Writer], pp. 309–310.

Dostoevskii, F. M. (1973) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 5 [Complete Works: 30 vols. Vol. 5]*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie.

Dostoevskii, F. M. (2021) *Dnevnik pisatelya (1873) [The Diary of Writer (1873)]*. Moscow: AST Publ.

Dostoevskii, F. M. (1989–1996) *Polnoe sobranie sochinenii: v 15 tomakh [Complete Works: 15 vols]*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie.

Dostoevskii, F. M. (2021) *Sila i pravda Rossii [The Power and Truth of Russia]*. Moscow: RIPOL Klassik.

Dostoevskii, F. M. (1862) *Zapiski iz mertvogo doma [The House of the Dead]*. St. Peterburg: Tipografiya Iosafita Ogrizko.

Kantor, V. K. (2019) “Apologiya sumasshedshego, ili Razum protiv bezumiya toly” [“Apologia for a Madman, or Mind Against the Madness of the Crowd”], in *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 2(4), pp. 12–34.

Kantor, V. K. (2022) *Filosofiya Chaadaeva, ili Otbrosheyni kamen', kotoryi leg vo glavu ugla [Chaadaev's Philosophy, or the Discarded Stone that was at the Forefront]*. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=VLrYV1_wfcs (Accessed: 04 Apr 2022).

Kantor, V. K. (2000) “Lev Tolstoi: iskushenie neistoriei” [“Leo Tolstoy: The Temptation of Non-history”], in *Voprosy literatury [Russian Studies in Literature]*, 4, pp. 120–181.

Kantor, V. K. (2012) “Serebryanyi vek: kul'tura protiv tsivilizatsii, ili Pobeda arkhaiskikh smyslov” [“The Silver Age: Culture versus Civilization, or the Victory of Archaic Meanings”], in *Kul'tura i iskusstvo [Culture and Art]*, 4, pp. 12–17.

Kantor, V. K. (2016) “Srublennoe drevo zhizni”. *Sud'ba Nikolaya Chernyshevskogo [“Cut Tree of Life”. The Fate of Nicolai Chernyshevsky]*. Moscow, St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Kantor, V. K. (2003) “Vechno zhenstvennoe' i russkaya kul'tura” [“‘Eternally feminine’ and Russian Culture”], in *Oktyabr' [October]*, 11, pp. 155–176.

Khomyakov, A. S. *Neskol'ko slov o “Filosoficheskom pis'me”, napechatannom v 15 knizhke “Teleskopa” (Pis'mo k g-zhe N.) [A few Words about the “Philosophical Letter”*

Printed in the 15th Book of the “Telescope” (Letter to Mrs. N.)].

Available at: URL: <http://homyakov.lit-info.ru/homyakov/publicistika/o-filosofichesk-kom-pisme.htm> (Accessed: 04 Apr 2022).

Losev, A. F. (2009) *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [*Vladimir Solovyov and his Time*]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Mandel'shtam, O. E. (1993) “O prirode slova” [“About the Nature of the Word”], in *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh. Tom 1* [*Collected Works: 4 vols. Vol. 1*]. Moscow: Art-Biznes-Tsentr, pp. 217–231.

Nekrasov, N. A. (1981) “Stikhotvoreniya” [“Poems”], in *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 tomakh. Tom 2* [*Complete Works and Letters: 15 vols. Vol. 2*]. Leningrad: Nauka Publ.

Otsup, N. A. (1993) “‘Serebryanyi vek’ russkoi poezii” [“The ‘Silver Age’ of Russian Poetry”], in *Okean vremeni. Stikhotvoreniya. Dnevnik v stikhakh. Stat'i i vospominaniya o pisatelyakh* [*Ocean of Time. Poems. A Diary in Verse. Articles and Memoirs about Writers*]. St. Petersburg: Logos; Düsseldorf: Goluboi vsadnik [The Blue Rider], pp. 549–558.

Pletnev, R. V. (1972) “O zhyvotnykh u Dostoevskogo” [“About Animals in Dostoevsky”], in *The New Review*, 106, pp. 113–133.

Pravitel'stvennyi vestnik [*Government Bulletin*] (1910) 242, 9 Nov.

Pugachev, V. V. (1973) *Pushkin i Chaadaev* [*Pushkin and Chaadaev*]. Moscow: Nauka, pp. 101–111.

Perepiska A. S. Pushkina: v 2 tomakh. Tom 2 [*Correspondence of A. S. Pushkin: 2 vols. Vol. 2*] (1982) Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Pushkin, A. S. (1985) “Stikhotvoreniya” [“Poems”], in *Sobranie sochinenii: v 3 tomakh. Tom 1* [*Collected Works: 3 vols. Vol. 1*]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Stepun, F. A. (1998) “Religioznaya tragediya L'va Tolstogo” [“The Religious Tragedy of Leo Tolstoy”], in *Vstrechi* [*Meetings*]. Moscow: Agraf, pp. 18–43.

Tolstoi, L. N. (1957) “Ispoved” [“Confession”], in *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh. Tom 23* [*Complete Works: 90 vols. Vol. 23*]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 1–59.

Tolstoi, L. N. (1992) “Kratkoe izlozhenie Evangeliya” [“Summary of the Gospel”], in *Evangelie Tolstogo* [*Tolstoy's Gospel*]. Moscow: Novosti [News].

Tolstoi, L. N. (1954) “Otets Sergii” [“Father Sergius”], in *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh. Tom 31* [*Complete Works: 90 vols. Vol. 31*]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 5–46.

Tolstoi, L. N. (1957) “V chem moya vera?” [“What is my faith?”], in *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh. Tom 23* [*Complete Works: 90 vols. Vol. 23*]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 304–465.

Tsvetaeva, M. I. (1994) “Stikhotvoreniya” [“Poems”], in *Sobranie sochinenii: v 7 tomakh. Tom 1* [Collected Works: 7 vols. Vol. 1]. Moscow: Ellis Lak.

Zakharov, V. N. (2015) “Kto podaril Dostoevskomu Evangelie v yanvare 1850 goda?” [“Who gave Dostoevsky the Gospel in January 1850?”], in *Neizvestnyi Dostoevskii* [Unknown Dostoevsky], 2, pp. 44–53.

Zhivolupova, N. V. (2008) “Krokodil” [“The Crocodile”], in *Dostoevskii: Sochineniya, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Works, Letters, Documents: Dictionary-reference Book]. St. Petersburg: Pushkinskii Dom, pp. 111–116.

Информация об авторах:

Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Анна Андреевна Волкова — студентка 4 курса Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4. E-mail: aavolkova_14@edu.hse.ru

Алина Андреевна Жукова — студентка 4 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: aazhukova_11@edu.hse.ru

Елена Валерьевна Краснова — студентка 4 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: evkrasnova_1@edu.hse.ru

Елена Дмитриевна Демьянова — студентка 3 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: eddemyanova@edu.hse.ru

Диана Федоровна Малинкова — студентка 4 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского уни-

верситета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: dfmalinkova@edu.hse.ru

Ангелина Артемовна Пархоменко — студентка 4 курса Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4. E-mail: angelina.a.akimova@gmail.com

Александр Владимирович Переpletкин — студент 4 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: avperepletkin@edu.hse.ru

Иван Юрьевич Голубев — студент 4 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: ugvv44@mail.ru

Information about the authors:

Vladimir K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Anna A. Volkova — 4th year student at the School of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Humanities, Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation. E-mail: aavolkova_14@edu.hse.ru

Alina A. Zhukova — 4th year student of the Bachelor’s degree program “Philosophy” of the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: aazhukova_11@edu.hse.ru

Elena V. Krasnova — 4th year student of the Bachelor’s degree program “Philosophy” of the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: evkrasnova_1@edu.hse.ru

Elena D. Demianova — 3rd year student of the Bachelor’s degree program “Philosophy” of the National Research University “Higher School of Economics” (HSE

University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: eddemyanova@edu.hse.ru

Diana F. Malinkova — 4th year student of the Bachelor's degree program "Philosophy" of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: dfmalinkova@edu.hse.ru

Angelina A. Parkhomenko — 4th year student at the School of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Humanities, Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation. E-mail: angelina.a.akimova@gmail.com

Aleksandr V. Perepletkin — 4th year student of the Bachelor's degree program "Philosophy" of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: avperepletkin@edu.hse.ru

Ivan Yu. Golubev — 4th year student of the Bachelor's degree program "Philosophy" of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: ugvv44@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.11.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022;
принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 02.11.2022;
approved after reviewing 30.11.2022;
accepted for publication 05.12.2022.